

Что же нового внес резчик форм для изразцов в истолкование образа героя произведения?

Белорусская редакция повести о Бове и в Познанском списке и в русских отрывочных копиях сохраняла многие характерные черты западно-европейского куртуазного романа. В ней явно ощущается феодальная идеология, превозносятся идеалы вассальной верности и рыцарской доблести, соблюдается феодальная иерархия. Приведем лишь один пример. Когда Бова готовился к бою с врагами, он «убрался у зброю и возложил гелм на главу, а добрыи мѣч ущепил на шыю и взял щит на плечо и копье в руки». Обратив внимание на это, Друженна спросила юношу: «Чому ся мечом не опасал?» — и получила ответ: «У моей земли таков обычай, ни один юнак не опашет ся мечом, только витез». Друженна, как дочь «короля коронованного» и сама «у венцы корунском» «поставила» Бово витезем, после того как тот поведал ей о своем королевском происхождении. Посвятив его в рыцари, Друженна «мечом его опасала и рекла ему: «Не общуй ж з лихими и зрадивыми».²⁶ Во всем рыцарском вооружении (гелм-шлем, щит, копье, сулица, меч) выступает Бова в белорусской редакции и в поединке с Полканом.

Никаких признаков знатного рыцаря-королевича не сохранил резчик форм для изразцов. Бова на муравленом изразце — просто добрый молодец, удалой боец. Подобно борцам или простому воину, он без шлема и шапки, в короткополом кафтане,²⁷ в стеганых штанах, заправленных в сапоги. Здесь явная демократизация образа знатного рыцаря Бовы, подобная той, которая происходила и в русских рукописных редакциях XVII в. и в позднейших лубочных книжках. Меч — традиционное оружие богатыря в былинах и сказках — заменен на изразце кривой саблей по той простой причине, что длинный прямой меч не мог поместиться на небольшой плоскости изразца в левой верхней его четверти. Декоративные приемы народного искусства и стремление заполнить орнаментом всю поверхность могут объяснить, почему резчик изобразил под брюхом Полкана диковинный венчик колокольчика, а хвост Полкана закрутил причудливой петлей, в центр которой поместил треугольник. Вряд ли справедлива в данном случае догадка Р. Л. Розенфельдта, будто резчик хотел показать, что Полкан собирает метнуть в Бову камень своим хвостом как пращой. Прелесть наивного вымысла, простота средств изображения, невысокий рельеф сближают изразцы с пряничными досками и другими аналогичными произведениями народной резьбы по дереву.

Недавно изданные документы 1570—1667 гг. показывают как многообразны были русско-белорусские связи с конца XVI в. Московские купцы постоянно ездили «в Литву» торговать пушниной,²⁸ а белорусские купцы с 1593 г. торговали в Москве.²⁹ Торговля белорусов постепенно становилась настолько обширной, что 14 августа 1620 г. Можайскому таможенному и кабацкому голове Бессону Акакиеву была дана грамота из Устюжской четверти о постройке на Гостином дворе в Можайске амбаров не только для московских, но и для белорусских торговых людей.³⁰

²⁶ А. Н. Веселовский. Из истории романа и повести, Приложение, стр. 140—141.

²⁷ Не является ли короткополый кафтан («польское платье») дополнительным доводом в пользу белорусского происхождения изображений на зеленых муравленых изразцах?

²⁸ См.: Русско-белорусские связи. №№ 14—16, 18, 22—25, 34, 35.

²⁹ См.: там же, №№ 30, 115, 129, 172, 177 и др.

³⁰ См.: там же, № 48.